

УДК 930.2 (5-15) «1967»

**ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ
УЧАСТНИКА СОБЫТИЙ И. И. МАТЮШЕВСКОГО**

Матюшевская Мария Иосифовна
заведующий кафедрой археологии и специальных
исторических дисциплин Могилевского государственного
университета имени А.А. Кулешова,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Статья представляет собой публикацию устного исторического источника – фрагмента из воспоминаний главного старшины Иосифа Иосифовича Матюшевского о службе на эскадренном миноносце Черноморского флота «Пламенный» в 1964–1967 годах. В статье воспроизведен рассказ об участии моряков эсминца «Пламенный» в Шестидневной войне на Ближнем Востоке 5–10 июня 1967 года.

Матюшевский И.И. был призван в армию в городе Орша Витебской области в ноябре 1963 года. На эскадренном миноносце «Пламенный» служил в 1964–1967 годах в должности механика засекречивающей аппаратуры связи. О своей службе на флоте он вспоминает так:

«...Основная задача корабля, на который я вступил, была обнаружение подводных лодок противника и их уничтожение. Это была бригада больших противолодочных кораблей. Она состояла из 10 кораблей. «Пламенный» – корабль, на котором я служил (нас еще называли в народе «племенные»), а также корабли «Напористый», «Гневный» и др. Крейсер, где находился штаб нашей бригады, назывался «Кутузов». Там была более мощная артиллерия, и служило около 350 человек.

Мы имели на корабле один пятитрубный торпедный аппарат, две двухствольные гаубицы (на носу и на корме), пять четырехствольных автоматов зенитных 45-миллиметровых, могли брать глубинные бомбы (у нас были бомбы реактивные) и мины.

Наш корабль был скомплектован где-то за полгода до моего прихода. Он вышел из заводского ремонта в Севастополе. Экипаж был не слаженный, т.к. чтобы боевая часть хорошо работала, основная задача ложится на специалистов 4 года службы – годочков. Первогодков всегда дублировали – наблюдали и смотрели, если что-то делает не то – поправляли. На второй год службы уже выполняли задачи самостоятельно.

На корабле была традиция: перед выполнением боевой задачи годочки собирались за нулевым шпангоутом (шпангоуты – как ребра у человека, а киль корабля – как позвоночник). Как только начинался киль корабля и к нему прикреплялся шпангоут, то они располагались через 75 метров друг от друга: нумеровались 1, 2, 3 и т.д. Если шпангоуты располагались к носу корабля, то нумеровались с нуля, а затем – минус 1, минус 2, минус 3 и т.д. За нулевым шпангоутом собирались все, кому оставалось служить один год – офицеры, старшины, матросы. Всегда перед выполнением сложной задачи приходил капитан корабля и говорил с годочками. Все понимали ответственность, и матросы 4 года службы могли нести вахту не одни сутки.

Вскоре после моего прихода мы сдавали задачу К-2. Сдавали ее артиллеристы. Мы вышли в море. Вспомогательный буксир гражданского флота нам вытащил щит, и мы должны были стрелять по нему. Не знаю, что там у них получилось, но вместо щита они попали по буксиру, пробили ему трубу и рубку. Стреляли не боевыми снарядами, а учебными болванками. Капитан буксира по открытой связи стал кричать: «Прекратите стрельбу, вы стреляете не по мишеням, а по нам». После этого на флоте было и смеху и разборки. А корабль наш как выходные – суббота, воскресенье – из бригады эсминец брал щит, вытаскивал его в море и мы проводили стрельбы. До того натренировались, что сдали все задачи, а потом было соревнование по флоту по стрельбе. Наши артиллеристы заняли первое место. Не было ни одно промаха, ни по надводным целям, ни по наземным целям, ни по воздушным целям. Потом было соревнование между флотами. К нам пришли с Тихоокеанского флота, с Балтики, с Северного флота. Мы вышли в море. Нам сказали, что на всех флотах была чудесная тихая погода, а у нас на Черном море так штормило. Но даже во время шторма мы умудрились занять первое место среди флотов. Не было ни одного пропуска. Стреляли по нормативам, по времени (как говорили, враг не дремлет, надо успеть)...

В 1967 году мы несли службу. Вышли в Средиземное море. Я принес командиру телеграмму. Он говорит: «Скоро у нас служба в Средиземном море заканчивается. Пойдем в базу. Для вас это приятно. Будет демобилизация. Я тебя постараюсь отпустить в числе первых». Я его поблагодарил, и вдруг на следующий день я получаю очень большую телеграмму. Приношу ее командиру. Он позвал замполита. Сидят вдвоем, читают. Командир говорит: «Это, наверное, будет война, и очень приличная».

В телеграмме говорилось, что мы должны немедленно самым полным ходом идти в Сирию, в порт Латакия. Принять карты побережья Сирии, принять на борт сирийских офицеров, наших офицеров, которые служили в Сирии, полным ходом идти в указанную точку, стать и огнем своей гаубичной артиллерии остановить продвижение танковой колонны.

Мы так и сделали. Развязалась война между Израилем и Египтом. Танковая колонна шла на Дамаск. Как только мы стали в точку, колонна остановилась. Нам сказали, если колонна будет двигаться – ее уничтожить. Она не двигалась, и мы ее не уничтожали. Так стояли где-то полдня. Потом нам пришла телеграмма: самым полным ходом территориальными водами идти в Порт-Саид.

В Порт-Саид мы просто забежали. Шли со скоростью 38 узлов. Шли долгое время. Раньше мы такую скорость только испытывали. У нас все трубы обгорели, стали черными. Нас восторженно встречают арабы, машут руками. У входа в порт стоит высокое здание. На нем написано «Отель», посередине три этажа проломаны, все горит. Внизу тихо, здание стоит. Кругом еще пожары видны. В Порт-Саиде никого нет. Один наш корабль – советская плавбаза «Марина Раскова» стоит. Она принимала траулеры и делала консервы. Командир плавбазы попросил нас прийти и поднять моральный дух. Мы пришли, а там – одни советские молодые жен-

щины. Как они обрадовались. Говорили, что здесь война, летают самолеты, бомбят. Женщины думали, что и их разобьют. Говорили: «Раз вы пришли, то мы теперь спокойны».

Нам приказали снять все маскировочные огни (синие фонарики), флаг не снимать, подсветить его прожекторами и в случае подлета израильской авиации ближе 10 кабельтовых – ее сбивать. Боевая готовность №1. Все сидели с автоматами. Самолеты не летали. Но как только начинается обед, ужин – они летают на расстоянии 11 кабельтовых. Не дают нам поесть горячего. Так постояли мы дня три. Потом видим: в порт заходит корабль. Мы запросили, чей он. Не ответил, значит, не наш.

У нас был офицер-араб. Он знал русский язык. Я поднялся к этому офицеру наверх, в радиорубку, спросил, арабский ли это корабль. Он запросил – не их. Значит, израильский. В порту сыграла тревогу. Вышли два торпедных катера встречать этот военный корабль. А он фарватером прошел прямо в порт и остановился. Катера к нему подошли и обстреляли этот корабль не торпедами, а с 25-миллиметровой пушки. Военный корабль – эсминец – дал два залпа и разбил в щепки катера. Потом он еще постоял, развернулся и ушел.

Вдруг после ухода израильского эсминца взорвался и загорелся стоявший неподалеку от него арабский наливной танкер. Оказывается, израильтяне высадили диверсантов-подводников. Еще взрывы в порту были. Командир нашего корабля приказал бросать с левого и правого борта гранаты. Мы снялись с якоря всю ночь ходили по акватории порта. Потом наши легкие водолазы обследовали днище корабля. Пришвартовались. Стояли недалеко от входа в Суэцкий канал, а там затопили иностранное судно. Канал был перекрыт. Днем там никого не было видно. Как только ночь, на этом судне что-то ляпало, скрежетало. Там работали мародеры-арабы.

Мы там стояли около недели. Арабы подходят и спрашивают, скоро ли вы пойдете воевать. Нас предупредили: вы с ними не очень-то откровенничайте. Арабы очень рассчитывали на то, что мы пойдём воевать, а мы не шли. Потом пришла радиограмма: мы должны проверить весь фарватер, по которому проходил израильский эсминец, и завести в порт ракетные крейсера, два ракетных эсминца.

Мы это сделали. Пока мы проходили фарватер туда и обратно, наш командир за это время стал седым: у него побелели виски. Было выключено все, что создавало магнитное поле, тишина, готовность №1. Стояла такая тишина, что если бы муха пролетела, мы бы ее услышали, потому что все приготовились к смерти. Если бы что-то взорвалось под днищем – это была бы братская могила. Корабль был начинен боеприпасами. Только, где машина находилась, не было боезапаса. А так вдоль всего борта были танки с водой, с нефтью, а в середине – снаряды, бомбы, заряды. На одной гаубице снаряд весил 32 кг и было 16 кг пороха.

Когда вслед за нами зашли наши корабли, нам дали две недели отдыха, и мы ушли в Александрию. Там каждый день ходили в увольнение.

Были мы во дворце последнего императора Египта Фарука. Там очень интересно. Лифт. У каждой из трех официальных жен по этажу, но детская была одна. Такие интересные детские игрушки. Там я впервые увидел золотые унитазы самого императора и его жен, души-биде также золотые. В гостевой комнате смотрю, что за рука на палочке, такая будто что-то гребет? Это для игр, деньги пригребать. Ручка серебряная, а сама рука золотая, еще отделка из слоновой кости. Сделано так, как будто рука живая. Каждая жилочка была видна. У меня есть фотографии этого дворца, детского парка, который находился рядом с дворцом. Там макеты старинных кораблей, как у пиратов, с мачтами, гротами.

В Александрии мы не добыли две недели. В оружейной комнате мичман сдавал оружие и случайно застрелил военнослужащего. Тот служил уже последний год, пришел к своему другу отдохнуть, лег в уголочке и заснул на брезенте. Комната эта была отделана деревом, чтобы рикошета от пуль не было. В ней было прохладно. Сверхсрочник сдавал пистолет, руки от жары были потные, пистолет соскочил с предохранителя и выстрелил. Попал спящему прямо под левую лопатку. А погибший уже был женат. Дали жене телеграмму с вопросом, хоронить здесь или в Севастополе. Она сказала, что в Севастополе. И мы пришли опять в Порт-Саид. Его заморозили, и так в морозильнике в брезенте завернутого его доставили в Севастополь.

В Севастополь мы пришли и нас поставили на рейде. В город непустили. Это было утром. А поскольку на корабле покойник, мы по уставу пришли с приспущенным флагом. Севастополь – город моряков. Традиции знают все. К вечеру в городе были пустыми все магазины. Спички, соль, консервы – все было раскуплено. Это ведь 1967 год. Весь Черноморский флот был выведен в Средиземное море. Китай грозился, что 50-летие советской власти вы будете встречать в окопах. В Севастополе пошла паника: идет война и «Пламенный» доставил в город трупы.

Пришел председатель исполкома города. Просит: «Пустите моряков в город. Все население в панике. Пусть моряки расскажут, что никакой войны нет, что привезли случайно застреленного матроса!». Пошли мы город. Нас все расспрашивали. Все обошлось.

А уже много лет спустя, когда Ариэль Шарон впал в кому, и стали рассказывать его биографию, я узнал, что он возглавлял танковую колонну, по которой мы должны были стрелять. Она шла на Дамаск. А к этому времени наш экипаж уже хорошо стрелял. Мы бы показали им... А они бы нас не достали. Как говорил Хрущев, увидели бы Кузькину мать. Мировая история пошла бы по-другому...».